

Вводный урок в ульпане русскоговорящий преподаватель иврита начал с правил поведения в Израиле.

– Дорогие женщины, запомните, если израильтянин приглашает вас на чашечку кофе, не спешите принимать приглашение, потому что это просто сленг, так сказать условный знак, и кофе пить вы будете вряд ли. Израиль – говорил он, – страна особенная, с ивритом нужно обращаться очень аккуратно. Израильские мужчины любвеобильные и навязчивые, поэтому их улыбка, это не дружеское проявление чувств, а плотоядный оскал. Некоторые словосочетания, такие, например, как – «новые репатрианты должны вооружиться терпением» двусмысленны и не могут употребляться в обществе.

После первого урока женщины отказывались выходить на улицу без мужей, а мужчины, держали руки свободными, дабы отбивать возможные поползновения озабоченных израильтян.

Через неделю, мы попросили сменить нам русскоговорящего преподавателя на коренного израильтянина.

На сей раз, это была приятной наружности молодая девушка, обладающая большим запасом энергии и страстным желанием, как можно быстрее обучить приезжих ивриту. Несмотря на все ее старания, понимали мы ее с трудом.

Когда она, раскинув руки в стороны, порхала по классу, изображая то ли птицу то ли самолет, мы, с помощью звуков, пытались определить демонстрируемый предмет.

То есть наши уроки иврита представляли собой нечто смутно напоминающее психиатрическую лечебницу. Кто-то летал по классу, издавая при этом рокот самолета, кто-то заливался птицей, а кто-то, в ужасе забившись в угол, таращил глаза.

Нетрудно себе представить, на каком уровне был мой разговорный иврит после окончания ульпана.

С момента нашего приезда прошло около полугода.

В первый свободный от занятий день, я отправилась в магазин. Дело в том, что до сих пор мы покупали только знакомые нам продукты в близлежащем супермаркете.

Папа настаивал на холодце и я, как учили в ульпане, «вооружившись терпением», отправилась искать говяжьи ножки.

Рядом с домом находился кошерный мясной магазин. Витрины пестрели красивыми этикетками, но читала я еще хуже, чем говорила, поэтому, приходилась внимательно рассматривать содержимое упаковок. Наверное, со стороны это выглядело так, как будто бы я впервые увидела мясо.

Продавец в это время мирно беседовал с немолодой израильтянкой, видимо, постоянной покупательницей.

Проверив все витрины, и не обнаружив ножек, я обратилась к нему за помощью.

Показывая рукой на свою правую голень, я жестами попросила отвесить мне две такие же. Жест был двусмысленный и мог означать, все, что угодно.

Продавец в течение нескольких минут озадаченно смотрел на меня, пытаясь понять, о чем это я, затем обратился к израильтянке с вопросом. Слов я не разобрала, но женщина, до сих пор заинтересованно наблюдающая за моими действиями, тут же бросилась ему на помощь. Из ее тирады я выудила несколько знакомых мне слов, таких как, «что», «шабат», «суп». Вероятно, она интересовалась блюдом, которое я собираюсь приготовить.

Я, тщательно подбирая слова, постаралась описать ей процесс приготовления холодного. Я вспомнила почти все названия. И слово «кастрюля», и «вода», и «лук». Я перепутала всего лишь одно слово. Дело в том, что слова реглаим – ноги и наалаим – туфли, почему-то всегда казались мне созвучными, по-видимому, из-за окончания.

Поэтому, мой рассказ в переводе прозвучал примерно так:

– Берем большую кастрюлю, кладем в нее хорошо вымытые туфли и долго-долго варим с добавлением лука и специй. Часов 8. После чего процеживаем, добавляем соль, перец, чеснок и ставим в холодильник, чтобы холодец застыл.

Расширенными от ужаса глазами, продавец и дама недоверчиво выслушали меня, после чего заговорили друг с другом, отчаянно жестикулируя, качая головами и цокая языком.

Из их диалога я выудила слова, выученные мною в Ульпане: «Бедные, голодные, еда».

Затем, обратившись ко мне, продавец протянул мне кусок мяса, сочувственно улыбаясь и произнес – «матана».

Матана для нового репатрианта волшебное слово, потому как означает оно – подарок.

Поблагодарив, я направилась к выходу, думая только о том, где бы купить ножки на холодное.

Итак, пришлось ехать на рынок. Не без труда отыскав мясной магазин, я остолбенела у входа. Чего здесь только не было! И вымя, и свинина, и ножки. Вот папа обрадуется!

Выстояв длиннющую очередь, и подойдя к прилавку, я была уверена, что проблем с языком не возникнет, так как все, что я собиралась купить, лежало на витрине. Просто покажу пальцем и все дела. Но не тут-то было.

По-видимому, с такими вот красноречивыми покупателями, как я здесь сталкивались не впервые, и продавец не мог отказать себе в удовольствии лишний раз повеселиться.

С ножками вопрос был решен быстро, но когда очередь дошла до свинины, и я, ткнув пальцем в кусок мяса, произнесла слово «хазир», продавец, улыбнувшись, с помощью жестов спросил, какую именно часть «низкой коровы» (так в Израиле называют свинину), я бы желала. Мне нужна была задняя часть и, недолго думая, я, похлопав себя по мягкому месту, произнесла единственное знакомое мне с детства слово на идиш «тухес».

Продавец покатывался со смеху, очередь тоже, а мне было все равно. Я представляла себе радость папы, при виде свиной отбивной.

Надо ли говорить, что попросить продавца отвесить мне пару килограмм вымени я уже не решилась, потому что в этом случае мне пришлось бы полагаться исключительно на жесты.